

16+

Елена Новикова

КИРПИЧНАЯ КНИГА

Елена Новикова
Кирпичная книга.
Короткие тексты

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40649042
ISBN 9785449617989*

Аннотация

В Кирпичную книгу петербургского автора Елены Новиковой вошли как новые тексты, так и уже публиковавшиеся в журналах. Основной жанр – короткая проза. Дополняет Каменную книгу.

Содержание

ПЕРВЫЙ КИРПИЧ	5
Трамвай думает	5
Библиотека	9
Музы	12
Домик у моря	14
Нина	17
Прогулка	19
Флигель	22
Неприятный человек	27
Пьеса для рояля, двух манекенов и курицы	29
Отношения с перекрестком	32
Фотография	34
Ошейник	36
Чемодан	38
Яблоневый сад	42
Мой маг	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Кирпичная книга

Короткие тексты

Елена Новикова

© Елена Новикова, 2024

ISBN 978-5-4496-1798-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПЕРВЫЙ КИРПИЧ

Трамвай думает

Он думал, что если в один короткий текст поставить рядом сияние, смирение, пылинки в луче, голос текущего крапа, запах сирени в окно и боль где-то слева, под ребрами – это будут стихи...

Она думала, что если собрать в одном доме ребенка, мужа, пару котов и полку с книгами, да, еще алоэ на окне и дождь, стекающий по стеклам – это будет счастье...

Они думали, что если поставить на стол два бокала с божоле, или с кьянти, а рядом тарелку с нарезанным кубиками белым сыром, и зажечь свечу, а шторы задернуть, и еще волосы распущенные и губы – это будет любовь...

Она думала, что еще недавно было совсем нетрудно забираться в трамвай, и место уступали совсем не потому, что были вежливы, а теперь шляпки у всех совершенно некрасивые, аляповатые – ну, никакого стиля, а у девушек голые спины зимой – и это тоже жизнь...

Он думал, что когда он был маленьким, часто лопались воздушные шары, и он не понимал, как что-то большое могло в один миг превратиться в жалкий кусочек резины, ему казалось, что тот, настоящий, шарик, просто куда-то спря-

тался, под кровать, или в шкаф, или папа держит его за спиной, – и он до сих пор ищет...

А этот ехал в трамвае и думал о жареной курице, румяной, с чесночком...

А тот что-то напевал, и губа у него смешно оттопыривалась, но из-за шума было не разобрать.

Она не боялась старости, потому что любила лежать на диване и смотреть телевизор, а этого не отнимут, как красоту.

Парочка уткнулась носом в один конспект. Только конспект-то – отксеренный! Прогоуляла парочка все лекции, прогуляла... И правильно!

Кондуктор в оранжевом, проходя, сканировала проездные, она не любила, когда дают мелочь, как будто это ей дают милостыню, она смотрела, как на врагов, презрительно – что ли нет у Вас других денег? А когда давали тысячу, тоже ругалась – надо заранее готовиться к поездке, где я вам сдачу возьму? Та, в шубе, ей так и сказала: не хотите – не надо. И убрала тысячу в кошелек.

– Ой! Счастливый билетик!

– Съешьте.

– Нет, я лучше дома... Оболью кипятком и съем... Микробы, знаете...

Микробы думали, в каком человеке будет уютней и так, чтобы не сразу выгнали.

– Мужчина! Когда чихаете – отворачивайтесь, Вы в общественном месте!

Общественное место – трамвай – поворачивало. Водитель вышел, пошуровал железным ломом или чем, и снова по рельсам...

Жизнь везде проложила рельсы, так трудно свернуть, куда хочешь, приходится себя убеждать, что туда тебе и надо, куда везут.

– Какое свинство! – думала кондуктор, – ведь это настоящее свинство: смена до одиннадцати, транспорт из депо не ходит, а развозка в час ночи... Уж лучше эти два часа работать, но кто же думает, что лучше для рабов...

А ей всегда казалось, что он едет в следующем трамвае... Они почему-то никак не могут сесть в один и встретиться... А когда она в магазине стоит в очередь в кассу, ей кажется, что он именно сейчас открывает дверь и выходит, унося десяток яиц, батон, баночку кофе и ее сердце.

Не все могут перенести свою молодость и красоту. Некоторые поднимаются по темной петербургской лестнице, ругаются, что чердак на замке и приходится открывать обычное окно, и дарят себя ветру. А если бы удалось забраться на крышу и увидеть с нее мир, может, и передумала бы...

Да, эта газета меня выдает... Сразу видно, что букет не праздничный, лучше так бы и ехала, с шестью розами в руках...

Бог есть, – думал, – но вряд ли он принял хоть одну конфессию...

А потом за окном пошел снег.

Настоящие белые пушистые хлопья плотной шторой отгородили трамвай от мира. Это последний снег в этом году, этот уж точно последний, и все-таки чудеса – в мае, на зеленые листья!

Трамвай перестал думать, все смотрели на снег...

Библиотека

– Нужно придумать, куда поставить детскую кроватку, – сказала беременная дочь. Больше они ничего не сказали, а смотрели в окно, где желтые листья медленно падали, будто не решаясь назвать осень по имени.

Говорилось это, он знал, именно ему: ведь это его библиотека занимает большую часть квартиры: уже завешаны все стены, сложены стопки на столах, на табуретках, ящики под кроватями...

Каждую книгу он знал лично: где купил, как читал, какая тогда была погода, да, не смейтесь, отлично читался, к примеру, Шарль Нодье в грозу, вписываясь между молний таким буревестником, а вот «Победа над солнцем» хотела хорошей погоды, иначе в чем же ценность победы? – если все мирозданье с тобой заодно... Нет, извините, победа должна быть личной.

Его взгляд бродил по стенам, находя то один, то другой корешок, узнавая... Вот Баскер точно сказал бы, что это проблема дочери и зятя – пусть покупают себе квартиру. Но он любил дочь и понимал, что денег у нее не будет никогда, во всяком случае, на квартиру, такой он ее воспитал...

Итак, нужно избавиться по крайней мере от двух кубометров книг... Пока... Продать, подарить библиотекам, раздать друзьям... Книгам будет не хуже, они не будут скучать

и скулить, как на их месте скулил бы пес, они даже будут прочитаны лишний раз, или даже десять... Их кто-то полюбит. Но он почему-то видел их в мешках и обязательно под дождем, брошенных, преданных, забытых...

Дочь ушла по делам, и дома никого не было. Он подходил к полкам, всматривался в лица книг и повторял, как заклинание: у меня должен родиться внук! Книги молчали. Потом он подумал, что если бы не стало его, и книги были бы не нужны, большая часть.

Он хорошо знал, что сказала бы жена, если бы была жива: перестань ныть! С барахлом нужно расставаться легко: с собой все равно ничего не возьмешь. Но он не мог называть книги барахлом. Он знал, что и жена произносит это слово специально, так сказать, для эмоционального воздействия: вот, мол, живой человек, а вот гора макулатуры.

Он отправился на кухню сварить себе кофе, читать с чашечкой кофе было лучше всего. Решение он только что принял – избавить себя от выбора, кому из книг остаться, кому уйти. Он будет брать наугад, с закрытыми глазами – с каждой полки по одной. Прочитает страничку напоследок, прощается... Ему даже захотелось для полноты ощущений делать это под музыку... Кто подойдет? Гайдн, Лист? Важно, чтобы без слов, чтобы не отвлекало от текста.

А потом пришла дочь и сказала, что арендовала теплый чулан в соседнем доме, и туда можно временно поселить часть вещей и ходить к ним в гости, а там посмотрим. Она

так и сказала – «поселить», будто бы речь шла о живых существах. Если позвать писателя с улицы, он обязательно бы устроил здесь какой-нибудь инсульт, и дочь нашла бы отца на полу, а рядом лежала бы раскрывшаяся при падении книжка – вот на этой странице, а на странице было бы то-то и то-то – привычный апокалипсис. Но жизнь чуточку умнее...

Музы

Главной его бедой (а может, как раз удачей) было то, что со всеми своими музами он вступал в человеческие отношения. Музы матерели, старели, плакали и смеялись, у них выпадали зубы и волосы, они выходили замуж и рожали, ели шашлык измазанным помадой ртом, эмигрировали и возвращались, они звонили и жаловались (только ты меня можешь понять!), они просили в долг и просто просили, им нужна была новая зубная щетка в больницу, ласты в отпуск, лекарства хемомицин и но-шпа, и он, восхищенный ими когда-то почти до обморока, настоящий рыцарь в доспехах из серебра с лунным камнем, должен был мчаться на белом коне, на стареньком, выдавшем виды опеле куда-то к черту на куличики.

И черт его ждал, скажем, в уютном кафе в итальянском стиле, и за чашечкой чая, рюмочкой коньяка, или просто бокалом красного вина, спрашивал: сколько стихотворений посвящено этой, а той, а вот этой? А какие?

И таки да, стихи оставались, работа шла, музы свое дело знали... Только он иногда путался, что кому посвящено, и, изменив пару слов, а то и в прежнем виде, не стесняясь, посвящал стихотворение другой.

А та, что без зубов, вставила новую челюсть и явилась прямо из Европы в гости, прихватив пирожное муравейник. Он ковырялся вилкой в пирожном и был ей рад, и ждал, ко-

гда она уйдет, тогда он сядет и напишет, что любовь укутана старым шерстяным одеялом, и луна особенно круглая в эти дни, когда подкрадывается на костлявых ногах тень смерти, но ты еще удерживаешь любовь за руку, и пока эта рука теплая, ты жив. Или что-то в этом духе. А завтра воспоминание о ней он аккуратно, как любимые носки после стирки, положит в специально отведенный ящик – до следующего раза.

Иногда они умирали. Переживал он это остро и продуктивно. Погибшая муза могла подарить на прощанье целую поэму, слезы застывали, как кусочки алмазов, которые он, только он, мог превратить в настоящий бриллиант.

Но жизнь продолжалась, и тогда он на своем хромом ослике, стареньком опеле, который что-то барахлить начал совсем по-взрослому, въезжал в очередной город на главную площадь и спрашивал – вы меня ждали?

Выходили люди в белых одеждах, волосатые парни в рваных джинсах и с гитарами, открывали томики стихов, его стихов, и начинали петь.

Тогда он удовлетворенно кивал головой, мол, все правильно, можно ехать дальше, а рядом с осликом шагала стройная выносливая муза, ее длинные ресницы скрывали смущенный вниманием толпы взгляд, и, сидя на правом сидении старенького опеля, она смотрела, как лес по краям дороги становился все зеленее и зеленее.

Домик у моря

Город Ч. расположился на перекрестке двух больших дорог, где первая вела к церквям с куполами, и вторая – к церквям с куполами. Вторые отличались от первых, как отличается синичка от воробья, как ни крути – родственники. Если проедешь много городов подряд, постоишь на одном пригорке, посмотришь окрест – лепота, равнина, зелень кругом и белые лилии церквей в синем небе, а потом на другом – и снова белая церковь цветет, и яблоки уже поспевают в окрестных садах, и речка вьется, словно пританцовывая. Голова закружится, будто поместили ее в калейдоскоп с воробьями и синицами, крылья-клювы-крылья-клювы-купола-чирик-чик-фью...

Вот на таком перекрестке стоял город Ч., задумчиво, словно выбирая, по которой дороге пойти. Трубы радостно пускали цветные дымы. Да, в городе Ч. было несколько заводов, безработицы, похоже, не было вовсе, и никто без дела не шатался по улицам, кроме разноцветных котов. По вечерам сидели в кафе, и здесь, как и в нарядных столицах, народу являлась пицца, или суши, или устрицы с бланманже, чего уж там.

Два старинных здания из красного кирпича означали филармонию и театр, культурную жизнь с ароматом истории. Но к этому аромату порой примешивался и легкий запах ды-

ма, это зависело от того, откуда ветер – с заводского ли квартала? Здесь, в историческом центре, гуляла свадьба. В костюмы жениха и невесты нарядили и девочку с мальчиком лет восьми – пышное белое платье, туфельки на каблучках, строгий костюм. Лица их светились счастьем сильнее, чем у жениха с невестой. У девочки в руках воздушные шары, в нужный момент по команде она их выпустит.

Больше ничего, за что мог бы зацепиться взгляд праздного туриста, здесь не было. Все и объезжали город Ч. стороной – или к одним куполам, или к другим. Еще и нос воротили, поглядев на трубы. А свадьбе оставался один путь – вниз к речке, и там, у старого речного вокзала, у памятника двум Преподобным основателям города, запустить в небо фейерверк и выпить шампанского. Пустые бутылки укладывали обратно в ящики и оставляли здесь же, целый забор уж вырос. Суббота...

Вот в этом городе и решили провести социологический опрос – о чем же люди мечтают. Вариантов ответа было 8: уехать в большой город, завести семью, заработать много денег, выиграть в лотерею, купить автомобиль, посмотреть мир, выучить иностранные языки, написать или издать книгу – и правда, чего такого оригинального могут придумать социологи? Но они оставили вариант «другое», и люди могли отвечать, что хотели. И вот тут-то выяснилось: половина участвовавших в опросе горожан сообщила, что мечтает о домике у моря. Это превзошло все ответы с подсказками,

и даже свободный вариант – «завести собаку».

Про домик у моря сказали парни с татуировкой из соседней шашлычной и пожилая дама с финскими палками, спускающаяся к реке. И девочка с шарами, и молодая мамаша с коляской, и подростки на роликах. Все хотели синих волн, разбивающихся о берег (песок и скалы по вкусу), солнца, в течение дня меняющего свой цвет от белого до фиолетового и красного, ракушек на берегу, и прямо здесь, в двух шагах, на тенистой террасе – чашку горячего чая или бокал холодного вина. А потом волшебных снов под шум прибоя, в которых почему-то все снится и снится как будто знакомый город в цветных дымах, и там, во снах, они все спрашивают – что это за город? почему мы там были счастливы? куда он исчез?

Нина

Говорили: у нее был фронтовой муж, снабженец. Любил ее как облака любят друг друга в полете, перемешиваясь и истаивая, будто и не существовало их. Победа принесла расставание, так она решила и вернулась к еще довоенному мужу, будто из булочной, поправив пилотку в отражении в луже и убедившись – все облака слились в одно серое небо.

Жила хорошо, работала врачом на скорой, а муж становился мрачен в пасмурную погоду и воспитывал детей, будто они солдаты. Так жили все, кто выжил вдвоем в этой войне, иным было еще тяжелее, кто один и чьи глаза упираются в пустую стену.

В ночную смену подошли к ней сзади и ударили в затылок. Лежала в апрельской прохладе на мостовой, пока не нашел водитель, на той же скорой и увез. Что-то сдвинулось в голове, то казалось – стреляют, то белые овцы проходили сквозь стены и требовали хлеба, а откуда? Тут-то и поняли, почему вернулась к мужу – умел выводить из темноты, разгоняя овец, устраивая к лучшим врачам.

И стало так, будто нет ветра. Ноги идут, если их уговаривать, и руки такие медленные, что носок можно вязать полгода. Такую ее и привезли к нам весенним утром, и бабушка – ее сестра – гуляла по паркам, присматривая за ней и за нами.

Нина была любопытна, задавала свои медленные вопро-

сы, а ведь кто нас особенно слушал? И я рассказала тайное: если забраться на плот, вот тот, затонувший под мостиком, видишь? – то можно уплыть в другую страну, где я, конечно, королева. Там много цветов, все ходят в пышных юбках, в гольфах с помпошками и лакированных туфлях, и у каждого есть лошадь и собака.

Нина слушала внимательно, а потом сказала – да, я хочу туда. И пошла. Она шла уверенно, словно хорошо знала дорогу, а я стояла на берегу и напряженно соображала, идти следом или нет?

Бабушка прибежала, когда Нина была по колено в воде. Отпаивали горячим чаем и уложили спать.

Нина спала здоровым безмятежным сном, и там, во сне примеряла лакированные туфли, те самые, вишневого цвета, которые мне не купили, потому что в магазине нашлись дешевле. Нине они оказались в самый раз.

Прогулка

Мне не нужны симпатичные люди, по крайней мере, сейчас. Так он сказал, и добавил: мне нужны люди, которые царапают мне мозги, и потом мне снятся цветные сны, распускаются в них азалии и магнолии.

Тоже мне, лингвист! Это сказала она. Если «царапают», то какие уж розалии и монголии? Речь может идти только о кактусах, цветущих пустынных кактусах! А какие ты любишь больше – круглые или такие, знаешь, продолговатые? Или с плоскими ладошками? Они будто карабкаются в небо!

Этот разговор состоялся в 18 часов 32 минуты в трамвае, ехавшем с Васильевского острова в сторону других, не менее прекрасных островов. На ней был белый плащ, еще немного не по сезону, зато новый. Он был в кепке с длинным козырьком, теперь их называют бейсболками, хотя никто не знает, что такое бейсбол. Они ехали расставаться. Иногда на это нужно очень много времени, а также куча лишних слов и острой грусти, спрятанной за иронией, или не спрятанной, а наоборот, выставленной напоказ, как ценный музейный экспонат.

Музейные экспонаты он ценил всегда, считая, что в музеи ходят главным образом фетишисты, и причисляя себя к ним. И правда, разве нельзя посмотреть альбом или в интернет залезть? Нет, этим людям необходимо глотать музейную пыль,

тайно дотрагиваться рукой до статуи или до чего там можно дотянуться, ожидая – завопит или нет сигнализация?

Он и в кармане таскал артефакт – зажигалку, которую знаменитый N привез из Америки и раздавал в качестве сувениров. Эта зажигалка всегда лежала в правом кармане, а в левом – другая, какую можно купить в любом киоске. Сам он пользовался, понятно, «левой», а «правую» доставал в особых случаях, давая кому-то закурить, и обязательно – невзначай – упоминал, что вот, мол, ему N подарил...

Впрочем, какие это пустяки, зажигалки, бейсболки, – когда вечер спускается на мир, пусть вполне светлый уже, но всем понятно, что вечер, и день уже окончен, и если ты не успел запастись надеждой и сухарями, то так и пойдешь то ли один, то ли вдвоем по торжественным улицам прощаться.

Тогда они, конечно, об этом не знали, ведь те, с кем что-то случается, узнают об этом последними. И ее рука, протянувшая подбежавшей белке заранее приготовленный орех, на самом деле была протянута навстречу счастью. И белка, как и положено счастью, схватив орех, умчалась ввысь, оставляя хвостом в воздухе какие-то надписи. Ведь жизнь по сути дела просто квест, главное – вовремя прочесть поданные тебе знаки и пойти по правильному пути.

Как будто правильным может быть только один путь! Это возмущенно подумала она. Ей хотелось проживать варианты, и тот, и этот, наверняка ведь фантасты уже придумали

миры, где это возможно... Она посмотрела, как он прицеливается фотоаппаратом, чтобы поймать в объектив белку, и подумала – что она делает здесь с этим совершенно чужим человеком? И еще подумала, что если она сейчас тихо-тихо уйдет, то он, возможно, этого даже не заметит.

Флигель

О, этот бросающийся в глаза памятник архитектуры...

(из туристической брошюры)

Призраки собирались по четвергам. Должны были совпасть несколько мало связанных, но важных обстоятельств: когда луна видна хотя бы час в течение ночи, в округе радиусом километр не воеет ни одна собака, и хотя бы один человек в эту ночь идет пешком со стороны старой железнодорожной станции в сторону курорта. Всякий, кто хоть отдаленно знаком с теорией вероятности, может подтвердить, что совпадение всех этих обстоятельств, тем более в четверг, – событие чрезвычайно редкое. Впрочем, сами четверги обычно случаются каждую неделю.

Для своих встреч призраки выбрали флигель заброшенного и уже наполовину сгоревшего деревянного дома (или это дом выбрал себя местом их встречи). Круглая резная башня, давно без стекол, в эту ночь преображалась. Горели тусклым, словно лунным, светом специальные лампы (свечи давно запретила служба безопасности), круглый стол, покрытый изрядно потрепанной зеленой плюшевой скатертью, приглашал занять одно из скрипучих кресел вокруг себя. На столе аккуратно лежали карты, несколько колод.

Все было готово к приему гостей. Первым прибыл, как

обычно, Модест Никанорович, фармацевт с Васильевского острова, призрак интеллигентной наружности с небольшой седой бородкой. Он умер в 1904 году, и в той реальности, где он вынужден теперь пребывать, не случилось ни революций, ни Гражданской, ни Второй Мировой... Коммунистами и террористами он считал в основном французов, и не дай Бог эта зараза перекинется всерьез на Российскую империю... А ведь прецеденты уже были...

Потерев руки, Модест Никанорович выглянул в окно: у французской кондитерской (везде эти французы, куда ни плюнь) еще стоял последний извозчик, хотя вечерний поезд из Санкт-Петербурга прибыл час назад. Кого он ждал? Лошади скучали, а Модест Никанорович когда-то привычным жестом попытался достать из кармана часы, но часов не было...

Второй прибыла Альбина, она умерла от чахотки в 1912 году в возрасте 20 лет и тоже много чего в жизни не видела. Бледный лоб и словно нарисованный на щеках румянец был не типичен для призрака, но, видимо, прилип к Альбине прочно. Она часто бывала на курорте в надежде на ингаляции и другие волшебные процедуры, прохаживалась по эспланаде под розовым зонтиком в компании своей горничной Хильды. Но, честное слово, лучше бы ей было уехать в Европу, в горы, да хоть в Карловы Вары на худой конец, и пожить годик-другой. Там бы ее и застала Первая Мировая, но, как знать, может, пережила бы она и ее,

и революцию... Модест Никанорович галантно поклонился, Альбина протянула руку в кремовой перчатке для поцелуя и тихо присела в кресло.

Степан появился громко, прямо в униформе. Работник когда-то Николаевской, а теперь Октябрьской железной дороги, он погиб прямо на службе. В тот день поезд добирался четыре часа, останавливаясь и замирая. Раздраженные дачники множились с каждым часом, их коробки, шляпки и моськи заполнили пространство так, что стало совсем мало воздуха. Самые юные и выносливые уходили по шпалам. Толпа напирала, а Степан отступал, оправдываясь, что топливо, мол, не то, и вот он споткнулся и упал, ударившись головой то ли о рельс, то ли о какой-то угол. Крови не было. Толпа отхлынула, а он остался лежать в 1918 году, в ясный солнечный день, и сосны качались над головой.

Он готов был сражаться с толпой, уж теперь бы он смог ее остановить, точно смог бы... Но толпы не было, и он, словно аккуратно поворачивающий рядом с эспланадой поезд, затормозил при виде Модеста Никаноровича и Альбины, чтобы случайно на них не наехать.

Четвертым был рядовой Петров, мужичок средних лет в гимнастерке и почему-то американских ботинках. Он во-евал на Сестрорецком рубеже летом 1942 года, финны стояли с другой стороны реки, и время от времени кто-нибудь постреливал.

В 1942 году таких ботинок в обмундировании не должно

было быть, и это заставляет подозревать, что и в небытии, откуда прибыл рядовой Петров, какие-то грехи, обычно свойственные живым, продолжали присутствовать.

Умер он, впрочем, не от снаряда, а от заурядной кишечной колики, или, как правильно говорят врачи – кишечной непроходимости. Его буквально взрывало изнутри, и в этом не были виноваты ни финны, ни немцы, ни Сталин. Так бывает, что никто не виноват, а что делать, тоже не понятно, так как до ближайшего рентгеновского аппарата далеко, а смерть близко, вон она выглядывает из-за ствола.

Как появился Константин Ильич, не заметил никто. Он был, как говорят, «из тех, кто...», обозначая тем самым не столько отсутствие индивидуальности, она не отменялась, сколько всепобеждающую типичность, в данном случае профессиональную. Так вот типичными чертами этой профессии были незаметность, вежливость, внимательность, спокойствие. В других обстоятельствах это спокойствие могло разорваться в крик, но это в других обстоятельствах, а теперь Константин Ильич каждому подал руку, заглянул в глаза, и сосредоточился, чтобы максимально точно запомнить, о чем и как высказывался каждый из присутствующих. Заметим, что представители этой профессии тоже умирают, причем, в любые времена, и, случается, совсем не своей смертью.

Теперь, когда все были в сборе, можно было начинать. Немного подождали, не появится ли кто-нибудь новенький,

но никто, привязанный к этому месту, похоже, на встречу не рвался.

Пока ждали, каждый хотя бы по разу выглянул из флигеля. Кто видел французскую кондитерскую, кто рельсы и шпалы, кто свежий окоп. Альбина увидела Хильду, спешащую в сторону моря, и пожалела, что та не уложила ей сегодня как следует волосы. Альбина машинально поискала на стене зеркало, но в зеркале ничего не отражалось.

«Ну-с!» – сказал Модест Никанорович и перемешал колоду. Мало кто знал, что исход именно этой партии, какой бы нелепой и неправдоподобной она ни казалась непосвященным, определит ход истории на несколько десятилетий вперед.

Неприятный человек

О нем говорили «неприятный человек», и сразу вспоминалось «дама, приятная во всех отношениях». Переводя с языка классики на язык ощущений – приятная на ощупь, на вкус, как сочный спелый фрукт или какая мягкая ворсистая ткань.

Не знаю, кто его щупал и гладил, жадно прислушиваясь, как реагирует организм? Внешне он не был таким уж отвратительным. Ну, бледная влажная кожа: такие на солнце сгорают мгновенно, они проводят дни в тени, намазавшись кефиром или какой новомодной мазью. У них есть книга или планшет, и мысль, которую они думают долго и трудно, словно у них в голове есть зубы, и они ее пережевывают.

Толстым он не был, хотя пухлым, пожалуй, особенно губы, в которых угадывалось что-то порочное. Но когда им был неприятен порок? Порок практиковался как средство выражения индивидуальности, не было необходимости даже тратить на него силы – важно обозначить, позиционировать, концептуализировать, создать ауру.

Вот эту самую ауру он и создавал, как шеф-повар свое главное блюдо, добавляя понемногу травки и специи. Движения несколько замедленны, зеленый шарф даже в жару (шепотом про ларингит), уложенные лаком волосы. Ботинки, правый и левый, разного цвета, из дорогого магазина,

не помню.

И вот он входит, ступая важно, как верблюд, покачиваясь, и таки да, кругом будто пустыня, и он торжественно несет свою голову, глядя вдаль. Пустыня, хотя их много, и они расступаются, такое невольное движение – то ли уступить дорожку, то ли держаться подальше, каждый себе объясняет, как нравится.

А потом словно сбой кадра – все шумят, здороваются, кто-то и ему протягивает руку. Ведь здесь все свои, все всё правильно понимают, хоть иногда и хотят отгрызть друг другу головы, но это мелочь. И он уже варится в этом котле, или варит, помешивая направо и налево, останавливаясь иногда, чтобы что-то кому-то шепнуть...

Но что затмевает и шарф, и ботинки, и бледную кожу – все это еще можно бы простить, – он иногда говорит то больное, скользкое, тысячу раз кем-то оплеванное, что никто из них, даже думая так, никогда не решится произнести вслух. И самое-самое неприятное, как ни крути, – то, что он прав.

Пьеса для рояля, двух манекенов и курицы

Сцена оформлена черной тканью. Не нужно драпировки, все скромно. Просто фон, на котором все должно проявляться.

На задней стене экран, на нем проекция окна с открытой форточкой, качающаяся занавеска, за окном гипотетический город без узнаваемых черт. Без этих вот черепичных крыш или Эйфелевых башен...

Восточного колорита тоже не нужно. Цвет занавески? Что-то неброское, но цветное – голубой, изумрудный... В пастельных тонах.

Посередине черный рояль, клавиатура открыта, крышка рояля закрыта.

Музыкальное сопровождение – Алексей Айги и Ансамбль 433. Как хотите, так и договаривайтесь!

Выходит человек в черном трико, выносит два белых кресла. Ставит спинками к роялю, сидениями в сторону зрителей, немного повернув друг к другу. Нет, не так, естественно ставьте, не нужно липовой симметрии!

С разных сторон сцены выходят два человека в черных трико. Каждый тащит на плече по голому манекену. Должно быть видно, что им тяжело. Покачнуться? – можно. Заботливо усаживают манекены в кресла. Оглядывают со всех

сторон, поправляют, уходят.

Еще два человека в черном приносят одежду, каждый наряжает своего манекена, иногда отходя в сторону, как бы оценивая. Женский манекен в шляпке, в вязаной шали. Мужской – в одежде, напоминающей военную форму. Очень похожи на живых людей.

С одной стороны человек в черном выносит столик, с другой белый поднос с двумя чашками кофе. Запах кофе должен чувствоваться во всем зале. Если нужно, сварите ведро за кулисами, и все время подогревайте! Сами договаривайтесь с пожарными! Обычную кофеварку в конце концов возьмите!

Да, вы поняли? – поднос белый, чашки белые, лица и руки манекенов белые... Выдержать паузу. Только музыка. Манекены и зрители должны друг к другу привыкнуть.

Человек в белом трико выносит детский фотопортрет в рамке. Здесь балет, настоящий. Танец с портретом. После ставит портрет на столик, утанцовывает за кулисы.

Музыка – Penultimate dance из последнего альбома Айги.

Выходят два человека в черных трико, разворачивают кресла с манекенами так, чтобы тем было удобнее смотреть на портрет.

Экран на задней стене становится ярче. Теперь уже не он фон, а наоборот. Слышны вдали звуки взрывов, видны всполохи ракет.

Занавеска постепенно, очень постепенно из своего неж-

но-зеленого становится алой. Зритель не должен заметить, как это произошло, но увидеть результат! Ветер все сильнее, занавеска взлетает и падает.

Входят люди в черном. Теперь у них отчетливо видны белые лица и руки, такие же, как у манекенов. Они ходят по сцене и «сеют», разбрасывают зерна. В том числе на рояль. Жесты очень пластичны, но не танец. Уходят.

Человек в черном вносит белую курицу и опускает ее на крышку рояля. Курица клюет зерна.

Курицу перед спектаклем не кормить. Но без живодерства! Курица должна кушать с аппетитом. Побольше зерен высыпать на клавиши рояля, чтобы курица, наступая на клавиши, добавляла звуков.

Люди в черном постепенно уносят: манекены, кресла, поднос с кофе. Дольше всего стоит на столе портрет ребенка, но и его уносят.

Музыка – Octo из последнего альбома Айги.

Курица должна клевать зерно до тех пор, пока в зале не останется ни одного человека. Если зрители окажутся тупые и будут ждать традиционного финала, бросить немного зерна в зал, и выпустить вторую курицу, через некоторое время третью...

Отношения с перекрестком

Он ждал зеленого света, чтобы перейти. Сзади осталась церковь, похожая на пирожное, и чебуречная, все та же, и стертый с лица земли кинотеатр, в котором когда-то летали разноцветные попугаи. Теперь там хорошо брендированная пешеходная зона, а он и есть пешеход, так что все честно.

Вперед и налево – рынок, где он тогда не мог, а сейчас не хочет ничего покупать, он зашел просто так, потому что образовалась лакуна, так сказать, дыра в биографии, или наоборот, оказался выломан кусок забора в суете, и туда имела шанс просочиться биография.

Рынок был пуст, как будто воскресенье не базарный день, зевающие торговцы лениво предлагали копченые ребра, китайские свитера и сухофрукты, а он делал вид, что внимательно оглядывает прилавки, разыскивая что-то действительно необходимое...

Он вышел на воздух, перешел обратно и подумал, что если бы он был собакой, обязательно пометил бы этот угол, на котором *тогда* стояла телефонная будка. Телефон в ней был удачно сломан, и на 2 копейки можно было разговаривать ночь напролет. Но телефон *тогда* не отвечал, и не ответит, наверное, уже никогда...

А дальше подворотня и двор, а во дворе флейтист. На парне было что-то длинное, а черные вьющиеся волосы стояли

вокруг головы, и на них падал снег. Это было *тогда*, и он наблюдал за музыкантом вон из того окна, и, глотая слезы, думал, что рояль, к примеру, с собой не потаскаешь.

Голова специально подсовывала на редкость глупые мысли, будто не хотела думать о важном. В углу двора стояли помойные бачки, и он вспомнил, что однажды они загорелись, и соседка поливала их прямо из окон... А вдруг кто-то выльет ведро на флейтиста? Ведь ночь, и нужно спать... Но флейтист доиграл и спокойно ушел. А он еще подумал *тогда*, что в мире, где есть музыка, еще можно немного пожить, да...

На следующий день он, как обычно, пошел в социум, и за чашкой кофе рассказал про флейтиста своей коллеге, даме продвинутой и экстравагантной. Что город на несколько минут выпал в средневековье, и крысы уже строились в колонны, чтобы радостно шагать навстречу своей гибели... А может, не крысы, а дети, есть и такая версия легенды...

Коллега отхлебнула кофе:

– А я его знаю. Это Вадик. Когда он напьется, всегда ходит по дворам и играет.

И он подумал, что это он сам тот глупый ребенок, готовый идти за музыкой, куда она позовет. Собственно, до сих пор идет, и вот для чего-то снова вернулся на этот перекресток, или на *тот*, теперь уж и не разберешь: такие сложные отношения с перекрестком.

Фотография

У нее были претензии. Много претензий – синяя, зеленая и желтая – к этому человеку, этому персонажу, этому оратору. К каждому слову, к запятым и кавычкам, к походке, которая обязательно есть у речи.

А как он размахивает руками, а как он одет? Посмотрите, ведь это все равно что пугало нарядить во фрак и цилиндр!

Да. Нет. Он совершенно невозможен! И глаза ее стали искать, обо что бы опереться. Но взгляд цеплялся за какие-то фальшивые предметы: канделябр, гипсовую Мадонну, пепельницу в виде головы без одного глаза. В пепельнице этой никогда не было пепла! Представьте, он даже не курил, ведь это вредно для здоровья.

И все ее возмущение, как трактор на полном ходу, врезалось в столб: им оказалась детская фотография в рамке эпохи модерна, с вывернутой наизнанку геометрией и перламутровыми декоративными вставками.

Рамка тоже была фальшивая, наверное, куплена в антикварном магазине как раз для персонального спектакля. В семье его родителей, людей простых и работающих, отродясь таких безделушек не водилось.

А вот фотография – настоящая. В глаза смотрит мальчик лет восьми: такие волосы называют непослушными, школьная форма, как у всех, а глаза, как у щенка. «Я буду хоро-

шим, я обязательно буду хорошим, вы только скажите, что нужно делать и хвалите меня, когда я делаю правильно! И я буду, буду, буду таким, каким вы хотите!»

Она снова взглянула на него: глаза были точно такие же, они ждали, что она, как строгая учительница, сейчас разложит все по полочкам и скажет: так делай, а так никогда.

И она промолчала, оставив себе и синюю, и зеленую, и желтую претензию. Пусть он хоть раз в жизни навалит что-нибудь сам, и сам из этого выбирается, шагая по оранжевому лесу, проваливаясь в собственные следы.

Ошейник

– Ты как собака, которая лает на свой ошейник! – сказала она, и это было последнее, что я успел услышать и запомнить.

Я представлял себя собакой. Если ошейник надет на мне, я его даже не вижу, какой смысл на него лаять? А если ко мне ошейник несут, а я собака, то скорее всего это означает, что сейчас поведут гулять, а это ведь здорово! И лаять можно только от восторга. Но она сказала «на ошейник», а лаять на кого-то или на что-то это все же выражать недовольство...

Интересно, что я довольно долго думал о том, как и почему, но ни на минуту в голову не закралось сомнение, что я собака. Это как бы не обсуждалось, собака и собака, только зачем вот лаять?

И я решил обдумать как следует, хорошо это или плохо – быть собакой? Нарушает ли ошейник какие-нибудь мои собачьи права, должна ли приличная собака протестовать? И я подумал, что приличной собаке наплевать на ошейник. Что она ведет себя прилично не потому, что на нее его надели, а просто из чувства долга. Если разрешить бежать и прыгать, облизывая кому-то нос, то будет оближивать. Если скажут «рядом», будет идти рядом. Ошейник так, украшение.

Потом я подумал, что собаки становятся приличными в результате дрессировки. Собаку воспитывают, объясняют,

что такое хорошо, а что такое плохо. Если не понимает, объясняют более доходчиво. И почему-то мне очень не захотелось быть дрессированным.

Мне хотелось быть диким, непредсказуемым, спонтанным. Я хотел охотиться на лягушку, рычать на проходящего мимо бомжа, кататься в траве, давя навязчивых блох. Я даже почувствовал, что спина начинает чесаться... И вот я представил, что в самый неподходящий момент, когда я решил укусить кого-то очень противного за ногу, мне предлагают ошейник... Ну, если хотите метафору – мне, дикарю, предлагают цивилизацию. Да, на такой ошейник я не то что стал бы лаять, а разорвал бы его в клочья!

Я представил, как разрываю ошейник в клочья, и тут как раз подошло время обеда. Можно выйти из офиса, пройти через дорогу, выпить кофе с хотдогом и позвонить ей...

– Что ты все-таки хотела сказать этой своей фразой про собаку и ошейник?

– Какой фразой? – удивилась она.

И я вспомнил, что эту фразу она мне сказала во сне, так что это даже не ее, а в некотором смысле моя собственная фраза. Значит, полдня я разговаривал сам с собой...

Чемодан

Лето пришло неожиданно, как гость с чемоданом: я у вас здесь немножко поживу.

Уселось посредине мира, раскрыло чемодан, и из него вылезли: две чайки, старое колесо, футбольный мяч, пугало огородное стандартное артикул 712498, билет на электричку до станции Лисий Нос от 8 июля 20** года, левый кед, панамма красная в белый горошек, мухобойка, фляжка металлическая 1 шт., фонарик, пара коробков спичек, зонт-автомат с видами Венеции и чешско-венгерский словарь.

– Куда мне это все! – воскликнула Алевтина Петровна и заплакала.

На кухне вскипел чайник, оповещая мир удалым разбойничьим свистом.

Птиц Алевтина Петровна выпустила в окно. Они сделали вид, что падают, а потом взмыли сразу под самую крышу.

За окном в роскошной по-сезановски зелени краснело здание детской туберкулезной больницы. В парке при больнице по ночам пели лучшие в городе соловьи, причем совершенно бесплатно.

Опустевший чемодан лежал посреди комнаты, раскрыв свою пасть, или, если хотите, чрево. Шкафы опасно жалась по стенкам, чашки в серванте прятались друг за друга, книги дрожали всеми страницами, будто им холодно, даже

обложки не спасали.

Алевтина Петровна помнила, как ее бабушка хранила в чемодане шубу, пропахшую нафталином. Когда наступали холода, она вывешивала шубу на балкон – проветрить, но запах был стойкий, и посражавшись день-другой, бабушка снова прятала шубу в чемодан до следующей зимы.

Алевтина Петровна подошла к чемодану и понюхала. Нет, нафталина не было. Тогда она осторожно протянула руку и повертела его перед чемоданом. Но чемоданная пасть была спокойна, зубами не щелкала, не нападала. Алевтина Петровна закрыла пустой чемодан и поставила его в угол, и только после этого решила выпить чашку чая.

В саду детской туберкулезной больницы гуляла мамаша с коляской. Там специально была вымощена дорожка, по ней можно было ходить по кругу, а сам сад прятался за большим каменным забором. Алевтина Петровна его видела, так как жила на четвертом этаже, а это гораздо выше забора.

– Неужели такой малыш, и уже больной? – расстроилась Алевтина Петровна. И услышала странный шорох. Прислушавшись, она поняла, что звук идет из того угла, где стоит чемодан. Алевтина Петровна подошла, послушала еще внимательней – да, оттуда. Алевтина Петровна попыталась чемодан приподнять, но он оказался тяжелым.

Она оттащила его на середину комнаты и открыла. Из чемодана полезли: две соломенные шляпы, сачок для ловли бабочек, две банки пива «Вена», кружка из нержавеющей ста-

ли, календарь за 1997 год, садовый совок, «Опыты» Монтеня, спицы с вязаньем и театральный бинокль. Самым тяжелым, килограммов на пять, оказался мешок с сахарным песком. Такие мешки бабушка покупала в сезон варки варенья. Последним из чемодана выскочил рыжий лохматый кот и сказал «мяу».

Алевтина Петровна хотела изловить кота, но не тут-то было. Кот рыжей молнией взлетел по занавескам на карниз и недобро оттуда посматривал.

Алевтина Петровна тяжело вздохнула и отправилась допивать чай. На полпути, спохватившись, она вернулась к чемодану, и, снова закрыв, поставила его в угол.

Чайки то и дело пролетали мимо окон туда-сюда. Кот наблюдал за ними с интересом, но прыгнуть не решался.

В углу зашуршало. Уже уверенным шагом Алевтина Петровна подошла к чемодану, легонько пнула ногой, вытащила на середину, открыла.

Из чемодана полезли: удочка-донка, кирзовые сапоги, маленький топорик с чехлом, Фихтенгольц Г. М. «Основы математического анализа в 2-х томах», сборник японских сканвордов, две пачки сигарет «Петр I», картофель московский хрустящий, пижама в полоску и маска для подводного плавания.

Кот, успокоенный временным невниманием Алевтины Петровны, спрыгнул и стал аккуратно подбираться к пачке с московским картофелем.

Р-раз ее лапой – она отскочила, притаился, спину выгнул, караулит. Выбрал момент – и как нападет! Только хруст, только восторг, полная победа.

Алевтина Петровна стала постепенно привыкать к происходящему. На кота смотрела без возмущения и пыталась припомнить, есть ли в холодильнике сметана, чтобы его покормить.

Она подумала, что надо бы вещи сортировать: то, что может пригодиться, откладывать, а остальное выставлять в мешках рядом с помойкой – вдруг пригодится кому-то другому. Все-таки много хороших, полезных вещей оказалось в чемодане.

Но пока она думала, что именно может пригодиться ей самой, лето как раз закончилось. Оно присело на дорожку, улыбнулось застенчиво, а потом забрало свой чемодан и ушло в далекие края. Наверное, в Австралию.

Что-то оно взяло с собой, но самое главное... Ах, воскликнула Алевтина Петровна, самое главное оно все же оставило! На мешке сахара гордо восседал рыжий кот, как памятник самому себе или просто милая галлюцинация.

Яблоневый сад

Я помню яблоневый сад, тот, что вырубili, чтобы построить твой дом. Обычная панельная пятиэтажка-муравейник, из окна видно, как играют во дворе в настольный теннис. Шарик стучит о стол, словно косточки скелета того мира, в котором мы жили тогда.

Пушистая верба над канавами с водой, заячья капуста и еще травка, дрожащая мелкими ладошками на ветру – пастушья сумка. На теплотрассе – первая мать-и-мачеха.

Соседка сверху приносила твоей маме нарциссы с дачи, пила чай. Как известно, чай пьют часов пять, отхлебывая мелкими глотками: важно, чтобы чашка не пустела. Сидеть с пустой чашкой – плохой знак.

Но полная чашка не спасла, соседка умерла от рака, да и квартира в твоём доме давно уже продана. Там некому жить – твои родители ушли один за другим в яблоневый сад.

Еще темная банька в деревне у твоей бабушки, утварь, печка. Тазы, котлы, березовые веники. Веники готовили с весны, шли в священную рощу, пели песни, водили хоро-воды, просили прощенья у берез, ломали ветки.

Твои мужчины вклеены в фотоальбом, как высушенные бабочки. Рядом с каждым портретом мечты – сбывшиеся и разбившиеся. Даже слова звучат похоже (разбившиеся), чего уж спорить, что было, а чего не было. Этот мечтал наря-

дить тебя в белые рукавички. Тот – написать все свои стихи на рулоне обоев, и завернуть тебя в них, как мумию. Рассказывать все секреты не буду, да и альбом еще не закончился – вот вам гусиное перо.

Еще были куры. Твоя бабушка выходила на двор и звала – Иден, цып-цып-цып! (у каждой курицы имя из сериала Санта-Барбара). Бросала пшено горстями. Говорливые куры ей отвечали, кланялись. А за домом – картофельное поле цело.

Ты тоже умела договариваться с утварью, картофелем и курами, знала их тайные языки. Колдовала веником и паром. Но математика изменяет ум, пытаюсь выстроить мир в стройную систему.

Теперь ты веришь в формулы судьбы. Считаешь, пользуясь программами и страшными словами: дисгармоничный аспект, управление домами, асцендент... Баню выстроила новую, вместо кур сороки на соснах, а вместо картошки белые лилии. А еще не носишь очков, только линзы, а за рулем поешь.

Мы не меняемся, просто художник пишет один слой поверх другого. Но если посмотреть на картину особым зрением (зануды-ученые думают, что это ультразвуковая рефлексотоскопия в инфракрасных лучах), можно увидеть сразу и навсегда: и березовую рощу, и баню, и двор с теннисным столом, и лилии, и яблоневый сад.

Мой маг

*Сквозь золото ветвей – зима.
А целовать холодное не страшно.*

Я боялась именно этого, сквозь погоду, жизнь и какие-то сорок километров, всхлип телефонного звонка: умер. Вот и оно, вечное окно с чем-то желтым вне; голова тупая, прикуриваю от сигареты, потом следующую; что-то тикает в комнате, как живое; мысль о ерунде (купить сосисок, чтобы они, ТАМ, ели), сборы и электричка, ведущая в пустоту. К телу.

Не буду о мертвом, не ощущается, для реалиста и физика смерть как переход из одного в другое логична, как закон сохранения энергии. Где-то там будем, здесь еще быть мне с букетом прошлого. Когда-нибудь будет только оно, прошлое, если доживу: пожелтевшие кадры памяти, услужливо подтащенные в линию судьбы.

Детство-чудо. Личный волшебник, ведущий за руку вниз (обрыв, ступени, вырубленные из глины), к морю с хлипкими телами медуз, тающими на солнце. Там, внизу, вырыта пещерка (когда успел?), в ней живут *настоящие* колобки, из глины, веселые и глупые. Снова вверх, там ослик с ушами и хвостом, покататься в пределах досягаемости веревки (страшно!), ослик привязан у обрыва, солнце-ромашка над нами, так и шлепаем, я и отец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.